

Необыкновенные приключения кота Мурзюша в Сказкограде

Ирина Вавилова

Для детей 0+

Ирина Вавилова

**"Необыкновенные приключения
кота Мурзяша в Сказкограде"**

«Автор»

2026

Вавилова И. С.

"Необыкновенные приключения кота Мурзяша в Сказкограде" /
И. С. Вавилова — «Автор», 2026

Эта книга посвящается моему верному другу, коту Мурзяшу, детям и взрослым, которые верят в чудеса, а так же детям и взрослым, с которыми чудеса еще не случались. Наш мир полон чудес, проверено лично. История основана на реальных событиях, которая произошла с моей семьей. Я всегда верила в чудеса и знала, что сказки - это не ложь. В сказках всегда есть доля истины и фантазия автора. Что правда, а что выдумка ты узнаешь из книги, мой дорогой, читатель. Пусть моя книга подарит тебе радость, веру в искреннюю дружбу и волшебство, которое обязательно произойдет с теми, кто в него поверит. В добрый путь друзья, наше приключение начинается!

© Вавилова И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Волшебная карта и появление Мурзяша»	5
Глава 2 «Волшебный портал»	8
Глава 3 «Заколдованный лес Сказкограда.»	12
Глава 4 «Темная Тень Сказкограда: Встреча со Злым Колдуном»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ирина Вавилова

"Необыкновенные приключения кота Мурзяша в Сказкограде"

Глава 1 «Волшебная карта и появление Мурзяша»

В одном из мегаполисов страны жила-была обычная семья. Мама с дочкой Полиной очень хотели кота, но строгий глава семьи не разрешал заводить домашних животных в квартире. И вот однажды мама сделала «Карту желаний», где были наклеены картинки с ее мечтами и желаниями. Одной из картинок был красивый серый кот в черное пятнышко. В тот момент мама даже не подозревала, что ее желание несомненно сбудется...

Это случилось под новый год, отец семейства сказал: «Собирайтесь! Мы едем за котом! Дорога была непростой, семья долго блуждала на машине по улицам города, ездила кругами, прежде чем найти указанный в объявлении адрес, по которому отдавали котенка. Наконец-то! Дом найден! молодая женщина лет 40 вынесла серый шерстяной комок с глазками и сказала котенка зовут Мурзик. Папа отблагодарил женщину и вручил ей шоколадку. Котенка укутали в маленькое теплое одеяльце и дочка взяла его на руки. Всю дорогу Мурзик мяукал, крутил головой и смотрел испуганными глазами. Когда его привезли домой, то сразу же положили в миску еды и он жадно поедая содержимое миски и постоянно оглядываясь, чтобы у него не отобрали еду.

Видимо в той семье, откуда его забрали было много котят и он привык опасаться, чтобы еду не отобрали. После сытого ужина Мурзик пошел осматривать своё новое жилище. Он тщательно осмотрел каждый угол дома, все обнюхал и нашел себе уютное местечко для сна.

Мурзик, которого дочка Полина тут же переименовала в Мурзяша, оказался котом с характером. Его серо-дымчатая шерсть переливалась серебром при свете лампы, а черные пятна на боках напоминали крошечные острова неизведанных земель. Мама шутила, что это знак — будто сама судьба отметила его для чего-то важного.

Первые дни в доме Мурзяш напоминал пушистого детектива. Он обходил квартиру десятки раз, замирая у книжной полки, где стояли старые сказки. Особенно его притягивала книга с обложкой, украшенной звёздами. Иногда он подолгу сидел рядом, словно ждал, что страницы сами откроются и зашепчут ему тайны. «Может, он читает мысли?» — смеялась Полина, но мама однажды заметила, как кот тронул лапой рисунок замка на обложке, и ей показалось, что страницы вспыхнули синим светом.

Мурзик быстро адаптировался и стал частью семьи. Любимое развлечение Мурзяша была игра в мяч, который остался от прежних хозяев квартиры, у которых тоже был кот. Он любил гонять этот мячик по всей квартире, иногда устраивая настоящие футбольные матчи. Отец семейства, притворяясь серьёзным, комментировал: «Мяу-чемпионат в самом разгаре! Гол забит в ворота из тапочек!». Дочка записывала эти моменты на видео, а мама подмечала, что в доме стало светлее и уютнее, будто Мурзяш принёс с собой кусочек волшебства.

А ещё Мурзяш обожал коробки. Любые. От небольших, из-под обуви до гигантских, от холодильника. «Это его космические корабли», — утверждала дочка, раскрашивая одну из них фломастерами в созвездия. Кот забирался внутрь, торжественно укладывался и мурлыкал так громко, что папа ворчал: «У нас тут моторчик работает вместо обогревателя!».

Но самая странная привычка Мурзяша обнаружилась через месяц — это воровство белья с сушилки и вещей, которые оставались без присмотра. Кот с удовольствием стаскивал носки и другие мелкие вещи, пряча их в своем уютном уголке. Семья сначала не понимала, куда дева-

ются вещи, почему после стирки всегда оставалось только по одному носку. Но в последующем уже привыкли, что котейка таскает их носки и прячет их у себя в тайнике.

Строгий отец семейства, несмотря на свою первоначальную неприязнь к коту, не мог устоять перед очарованием Мурзика, и вскоре стал самым преданным другом кота, постоянно подкармливая его вкусняшками.

Новый год принес семье не только праздник, но и нового любимого члена семьи. Они смеялись, что «Карта желаний» действительно работает, и начали вместе мечтать о новых счастливых моментах в будущем.

Шли недели, и Мурзяш рос, превращаясь из пушистого комка с испуганными глазами в статного, мудрого кота. Его серо-дымчатая шубка стала еще гуще, а черные пятна на боках, которые мама называла «островами», теперь и правда напоминали карту звездного неба. Но чем старше становился кот, тем яснее семья понимала: с ним в дом пришло не просто тепло и уют, а нечто большее. Однажды, когда за окном бушевала февральская вьюга, а ветер бросал в стекла пригоршни снега, мама засиделась допоздна за работой. Она внимательно вглядывалась в монитор компьютера и что-то бурчала себе под нос. Дочка давно спала, папа смотрел телевизор, и только Мурзяш не находил себе места. Он бесшумной тенью проскользнул в кабинет мамы, вспрыгнул на стол и, чего никогда раньше не делал, положил мягкую лапу на руку хозяйке. — Мурзяш, ты чего? — тихо спросила мама, отрываясь от экрана. Кот не убирал лапу. Его зелено-желтые глаза, обычно хитрые и озорные, сейчас смотрели серьезно, почти по-человечески. И маме вдруг пришла в голову простая, но гениальная мысль — именно та, которую она безуспешно пыталась поймать весь вечер. Она быстро записала ее, а кот, удовлетворенно муркнув, прыгнул со стола и устроился на подоконнике, глядя на падающий снег. С тех пор в семье поговаривали, что Мурзяш умеет слушать тишину и ловить правильные мысли, которые теряются в суете.

А весной случилось событие, которое окончательно развеяло все сомнения в волшебной природе кота. Дочка сильно заболела. У нее поднялась высокая температура, болело горло, и даже любимые мультфильмы не радовали. Она лежала в постели, раскрасневшаяся и грустная. Мурзяш, который обычно в это время носился по дому, гоняя свой любимый мяч, не отходил от нее ни на шаг. Он укладывался не в ногах, а под самым боком, клал голову ей на подушку и тихо, размеренно мурлыкал. Его мурчание не было обычным урчанием — оно напоминало старинную, монотонную мелодию. Мама где-то читала, что кошачье мурлыканье обладает целебными свойствами. «Наверное, это вибрации», — думала она, меняя прохладный компресс. Но Мурзяш делал что-то иначе. Он прищуривал глаза, и его черные пятна на боках, казалось, начинали слабо мерцать в полумраке комнаты. Он будто собирал весь недуг в себя, а потом резко вскакивал, отряхивался всем телом, словно сбрасывая невидимую воду, и снова укладывался, как ни в чем не бывало. Уже к утру третьего дня жар спал, и дочка проснулась, попросив есть. — Магия пятнышек, — шептала она, обнимая кота. — У тебя самые волшебные пятнышки в мире, Мурзяш. Папа, услышав это, ухмыльнулся, но ничего не сказал. Только вечером, когда Мурзяш, свернувшись калачиком, спал в своей любимой коробке, раскрашенной под созвездия, он тихо подошел и положил рядом с ним новый маленький мячик. Не простой, а светящийся в темноте. — Ну, это за Полинку — сказал он шепотом. Кот приоткрыл один глаз, лениво зевнул и махнул кончиком хвоста, принимая дар.

Самое же удивительное открытие ждало семью накануне дня рождения дочки. Мама пекла торт, папа надувал шары, а сама именинница с самого утра искала свой любимый носок с единорогом, который бесследно пропал. В поисках она залезла в «сокровищницу» Мурзяша — его тайный угол за диваном, куда он стаскивал свою добычу. Там, среди одиноких носков и смятых фантиков, она нашла нечто странное. Маленький, тускло поблескивающий камешек, похожий на крошечную звезду. Он был теплым на ощупь и чуть заметно вибрировал. — Мама, смотри! — позвала она. Родители склонились над находкой. Камешек не был украшением или

игрушкой. Папа, вооружившись лупой, разглядел на нем едва заметные линии, складывающиеся в изящный иероглиф.— Интересно, — задумчиво произнес он, — что бы это значило? И откуда Мурзяш его притащил? Кот, услышав свое имя, появился в дверях комнаты. Он сел, обернул хвост вокруг лап и очень внимательно посмотрел на камешек в руках девочки. А потом перевел взгляд на книжную полку, туда, где стояла старая книга сказок с обложкой, украшенной звездами. Его взгляд был настолько прямым и осознанным, что семья замерла. Он словно приглашал их заглянуть туда, где реальность встречается с чудом.

Той же ночью, когда все уснули, с книжной полки сорвался легкий ветерок, перелистнувший страницы той самой книги. Он не потревожил больше ничего в комнате, только погладил спящего Мурзяша по серебристо-дымчатой шерсти. А наутро мама, взглянув на карту желаний, ахнула. Рядом с картинкой серого кота в черное пятнышко, которую она наклеила почти полгода назад, теперь сиял крошечный, золотистый символ, в точности повторявший тот, что был выгравирован на звездном камешке из тайника. Желание исполнилось, но сказка только начиналась. Ведь семья поняла главное: иногда чудо приходит в дом не просто так, а с особой миссией. И Мурзяш, их серый кот с островами-пятнами на боках, был хранителем не только их уюта и носков, но и какой-то неразгаданной, большой и светлой тайны, которая дремала на страницах старой книги, ожидая своего часа.

Глава 2 «Волшебный портал»

Время шло, и Мурзяш все больше привыкал к своему новому дому. Однако каждый шорох, шум, каждое незнакомое движение вызывало у него тревогу и страх. Кот замирал, прижимал уши, его глаза были похожи на две круглые луны. Он с опаской следил за источником шума и убегал прятаться в укромное местечко. Одним словом Мурзяш вырос трусом. Но это не мешало ему резвиться и гонять птиц за окном. Он особенно любил проводить время на подоконнике, где мог наблюдать за птицами, прилетающими на карниз поесть из кормушки. Его золотисто-зеленые глаза переливались восторгом, когда он наблюдал, как птицы жадно поедали еду из кормушки. Иногда он даже пытался их поймать, но стекло окна мешало его планам. Семья смеялась, наблюдая за его игривыми попытками охоты, и это становилось одним из их любимых моментов семьи.

Однажды прекрасным летним утром хозяйка забыла закрыть окна балкона, когда проветривала квартиру. Мурзяш пробрался на балкон и запрыгнул на окно, которое было открыто, он наблюдал как летает на улице красивая бабочка и не устоял перед соблазном поймать её. Сделав неосторожный прыжок, Мурзяш вылетел из окна пятого этажа. Когда Мурзяш летел камнем вниз, ему показалось, что время замедлилось. Ветер свистел в ушах, вокруг было только пространство и бесконечность. Он видел потоки времени и пространства, переплетающиеся вокруг него.

Мурзяш пролетел через ярко-синий туннель, где звезды и галактики мелькали всего в нескольких метрах от его мордочки. Затем он проскочил сквозь пузырьки времени, где он мог видеть прошлое, настоящее и будущее, все сливающиеся в одном великом потоке. Он чувствовал, как пространство искривляется вокруг него, перенося его в другое измерение. И вот его лапы коснулись земли, он мягко приземлился, будто спрыгнул с дивана на мягкий ковер. Вокруг было сказочно красиво, новый мир был наполнен изумрудным сиянием, это был волшебный мир, полный ярких цветов, зеленых деревьев и маленьких, удивительно красивых существ, с острыми ушами. Кот оказался в сказочной стране, где живут волшебные существа, похожие на людей, но это были не люди, они выглядели совершенно иначе.

Это была страна эльфов и фей, полная волшебства и чудес. Эльфы были маленькими и изящными. Они обладали удивительной грацией и красотой, а их острые уши только добавляли им шарма. Их волосы были темными, длинными и сверкающими, как потоки жидкого золота под лучами солнца, а глаза светились множеством оттенков, от ярко-зеленого до глубокого синего. Феи были маленькими и веселыми, с прозрачными крыльями, которые мерцали под светом солнца. Они летали вокруг, собирая цветы и играя в веселые игры.

Мурзяш замер, прижавшись к стволу огромного дерева, и заворуженно наблюдал за причудливым миром эльфов и фей. Его глаза расширились от изумления при виде этих сказочных существ. Вдруг одна из фей, порхавших над лугом, усыпанным цветами, заметила кота и полетела прямо к нему. «Не бойся, дружок!» — пропела она своим серебристым голосом. Фея опустилась перед Мурзяшем, и ее крошечные крылышки затрепетали.

Мурзяш рассказывал свою историю, а эльфы и феи слушали его, затаив дыхание. Когда он закончил, Луна всплеснула своими крошечными ладошками, и с ее пальцев посыпалась серебристая пыльца.

— Так ты прошел сквозь «Завесу Миров»! — воскликнула она с благоговением. — Это великая редкость. Обычно проход открывается только для тех, в ком течет древняя магия или чье сердце зовет на помощь сама судьба.

Мурзяш нервно дернул хвостом. Он, обычный трусливый кот, который боялся даже пылесоса, — и вдруг великая редкость? Его уши сами собой прижались к голове, и он уже хотел спрятаться за ствол дерева, но Луна мягко коснулась его носа теплой ладошкой.

— Не бойся, — прошептала она. — Здесь тебя никто не обидит. Пойдем, мы отведем тебя к Старейшине.

Эльфы радостно закивали и побежали вперед по извилистой тропинке, усыпанной святистыми камешками. Мурзяш неуверенно двинулся за ними. Он шел, прижимаясь к земле, вздрагивая от каждого шороха, но любопытство пересиливало страх. Лес вокруг был наполнен удивительными звуками: где-то пели невидимые птицы, чьи голоса напоминали перезвон хрустальных колокольчиков, с ветвей свисали цветы, похожие на крошечные фонарики, а воздух был густым от аромата меда и лесных трав. Мурзяш заметил, что черные пятна на его боках начали незаметно пульсировать, будто отзываясь на музыку этого мира.

Вскоре они вышли на просторную поляну, в центре которой росло исполинское дерево. Его ствол был таким широким, что даже сотня котов, взявшихся за лапы, не смогла бы обхватить его. Листья дерева переливались всеми оттенками серебра и золота, а корни, выступающие из земли, образовывали естественные скамьи. На одной из таких скамей сидел старый эльф. Его длинные волосы были белыми, как первый снег, а глаза — глубокими и темными, словно ночное небо перед рассветом. В руках он держал посох, увенчанный прозрачным кристаллом, внутри которого медленно вращалась крошечная галактика.

— Подойди, странник из мира людей, — произнес Старейшина. Голос его звучал тихо, но каждое слово отдавалось легкой вибрацией в усах Мурзяша.

Кот робко шагнул вперед и сел у корней дерева, обернув хвост вокруг лап — точь-в-точь как делал дома, когда внимательно слушал, что разговор о нем. Эльфы почтительно расступились, а Луна опустила на плечо Старейшины и что-то зашептала ему на ухо.

— Ты упал с высоты и прошел сквозь врата «Завесы Миров» — задумчиво произнес Старейшина, разглядывая кота.

— Это вышло как-то случайно. — ответил Мурзяш.

— Но случайностей не бывает, ма-аленький друг. Твои пятна... — он наклонился ближе, и Мурзяш инстинктивно втянул голову в плечи. — Это не простые отметины. Это знак Хранителя.

— Хра... хранителя? — прошептал Мурзяш. Собственный голос показался ему чужим, но эльфы его прекрасно поняли, потому что в этом мире все существа говорили на одном языке — языке сердца.

— Да, — кивнул Старейшина, и его лицо омрачилось тенью. — В древних пророчествах сказано: «Когда серый странник с загадочными островами на боках пройдет сквозь „Завесу Миров“, тогда Сказкоград будет спасен, ведь именно он — Хранитель, сможет пробудить „Спящую Звезду“, которая рассеет магию злого колдуна Мрачнодума. Мы ждали тебя очень, очень долго. Потому что ты — наша последняя надежда.

Мурзяш удивленно дёрнул ухом. Последняя надежда? Он? кот, который прячется от звука домофона и убегает от гостей под диван. Старейшина тяжело вздохнул и продолжил, опираясь на посох:

— Видишь ли, маленький друг, наш волшебный мир в большой беде. Когда-то Сказкоград — удивительный город красивейших башен и поющих фонтанов — был прекраснейшим местом во всех измерениях. Но триста лет тому назад из тёмных ущелий «Забытых Гор» явился колдун по имени Мрачнодум. Никто не знает, откуда он родом и в чём его истинная сила, но одно известно точно: он питается чужим страхом, и чем больше его боятся, тем могущественнее он становится. А еще он превращает своих жертв в камни.

Луна затрепетала крылышками и прижалась к плечу Старейшины. Эльфы вокруг понурили головы.

— Мрачнодум захватил Сказкоград, — продолжил Старейшина, и в его глазах блеснула горечь. — Жителей он не прогнал, нет. Это было бы слишком просто. Вместо этого он наслал на город «Покрывало Уныния» — тёмное заклятие, которое медленно высасывает радость из

каждого дома, из каждого жителя Сказкограда. Представь: ты просыпаешься утром, солнце ярко светит, но ты не чувствуешь его тепла. Ты смотришь на цветы, но не замечаешь их красок. Ты слышишь песню, но она кажется тебе просто шумом. Тебя не радует ничего вокруг, все кажется серым и унылым. День за днём, год за годом уныние и тоска одолевает жителей Сказкограда.

— Это ужасно! — прошептала эльфийка Мия, и её пальцы сжались в кулаки. — Мои родители до сих пор живут там, в старом квартале Гончаров. Раньше наш дом звенел от смеха, а теперь... теперь они разучились улыбаться.

— Именно так, — кивнул Старейшина. — Мрачнодум крадёт у всех живых существ, в том числе и у людей, способность радоваться. Сказкоград постепенно превращается в город серых теней. А сам колдун тем временем восседает в самом центре Сказкограда, в «Башне Сумерек», которая до прихода Мрачнодума была «Башней Рассветной Песни» и с каждым днём становится всё сильнее, подпитываясь унынием и страхом его жителей. Только «Спящая Звезда» способна разрушить злые чары колдуна. Её свет рассеивает любую тьму и возвращает сердцам способность чувствовать и радоваться жизни.

Хм, странное совпадение, — ответил Мурзяш. — Хозяйка очень часто рассказывала о том, что люди разучились радоваться жизни, ходят хмурые и унылые, их не радует ничего, хотя у них есть все для счастья. Они совсем перестали ценить простые вещи, как солнце за окном, пение птиц, краски природы, возможность каждый день просыпаться и творить свою новую жизнь. Она говорит, что технологии и комфорт испортили людей и они позабыли настоящих себя, когда не было всего этого комфорта, люди радовались жизни, солнечным лучам, прогулке по лесу, зарядке по утрам.....

Нет, Мурзяш, это не совпадение! — с уверенностью произнес Старейшина. Это чары Мрачнодума, они попадают и ваш мир тоже.

— Значит, — тихо проговорил кот, — если я пойду будить «Спящую Звезду», Мрачнодум попытается меня остановить. И он будет использовать против меня мой собственный страх.

Мурзяш сглотнул. Его сердце колотилось где-то в горле, а хвост нервно подергивался.

— Но я... я просто кот, — выдавил он. — Я даже мышей ловить не умею.

Старейшина долго смотрел на Мурзяша, а потом произнёс слова, которые кот запомнил на всю жизнь:

— Да. Мрачнодум будет использовать против тебя собственный страх. Но запомни, Хранитель: истинная смелость — это не отсутствие страха. Это способность дрожать от ужаса и делать шаг ему встречу. Мрачнодум боится только одного — тех, кто не сдаётся своему страху. Именно поэтому пророчество говорит о тебе. Ведь тот, кто каждый день побеждает собственный ужас перед обычными вещами, уже знает дорогу к настоящей храбрости. Твой страх — это не слабость. Это твоё тайное оружие. Сейчас у тебя есть выбор. Хочешь — мы отведем тебя к границе миров на «Лунное озеро» и поможем вернуться домой, в твой уютный уголок за диваном. А хочешь — ты пойдешь в «Сердце Роши» и попробуешь помочь нам.

На поляне воцарилась тишина. Даже ветер перестал играть листьями, словно весь мир замер в ожидании. Мурзяш думал о доме, о хозяйке, которая гладила его за ухом и называла пушистым детективом, о Полинке, раскрашивающей коробки фломастерами, о папе, который подкармливал его вкусняшками и делал вид, что не любит котов. Он думал о мячике, светящемся в темноте, и о своем тайнике с сокровищами, где среди носков лежал загадочный звездный камешек.

И вдруг он вспомнил звездный камешек! Тот самый, с теплым свечением и странным иероглифом. Неужели все это время он хранил частицу этой самой «Спящей Звезды»? Неужели его странные привычки, его страхи, его тайник с вещами — все это было не просто так?

Мурзяш поднял голову. Его глаза, еще минуту назад круглые от ужаса, теперь сузились в щелочки, исполненные решимости.

— Я пойду, — сказал он тихо, но твердо. — Раз уж меня называли Хранителем, значит, надо спасать Сказкоград!

Луна радостно хлопала в ладоши, эльфы зааплодировали, а Старейшина склонил голову в почтительном поклоне.

— Тогда слушай, Хранитель Мурзяш, — торжественно произнес он. — Дорога в «Сердце Роши» трудна, и одному тебе не справиться. Позволь дать тебе двух спутников.

— Мия и Луна, вы отправитесь с Мурзяшем в «Сердце Роши».- уверенным тоном произнес Старейшина.

— Мия, лучшая травница нашего клана, — представил ее Старейшина.

Мия была небольшого роста, большие зеленые глаза, в которых было столько тепла и доброты, что невозможно описать словами, каштановые волосы ниже плеч, струились изящными локонами, из которых то и дело выпадали засушенные цветы, на голове ее была коричнево-бордовая шляпка, украшенная зеленой лентой, цветами и травами.

Мия носила зеленую блузу и коричнево-бордовый сарафан под цвет шляпки, её карманы всегда топорщились от пучков мяты, мелиссы и ещё каких-то трав, названия которых никто, кроме неё, выговорить не мог. Она была из рода Хранителей Лугов и понимала язык растений. Когда она говорила, голос её звучал как ручеек, перекатывающий камешки, и даже самые испуганные существа рядом с ней успокаивались.

И, что немаловажно, она умеет готовить отличный травяной чай с волшебной пылью, успокаивающий нервы.

А с Луной вы уже знакомы — улыбнулся Старейшина. — Она знает все тайные тропы и укромные места. Луна подлетела ближе и положила на макушку кота крошечный цветок.

— Это эльфийский оберег, — пояснила она. — Он напомнит тебе о доме и о тех, кто тебя ждет. Когда тебе станет страшно — просто вспомни их лица.

Мурзяш благодарно кивнул. Цветок пах хозяйкиными духами и от этого запаха на сердце становилось теплее.

— Путь начинается на рассвете, — сказала Мия. — А пока тебе нужно поесть и отдохнуть. Завтра будет трудный день.

И впервые за всю свою кошачью жизнь Мурзяш не стал прятаться в укромный уголок. Он устроился прямо у корней исполинского дерева, в окружении эльфов и фей, и смотрел, как над волшебной поляной зажигаются незнакомые звезды. А где-то далеко, в мире людей, осталась семья, которая бегала в округе и искала своего кота. Дочка плакала, прижимая к груди светящийся мячик. Папа хмурил брови, что-то бубня себе под нос. А мама уливаясь слезами, смотрела на карту желаний, на которой картинка серого кота вдруг начала светиться мягким изумрудным светом.

— Он жив, — прошептала она. — Я чувствую. Он обязательно вернется.

И она была права. Потому что сказка только начиналась, а звездный камешек в тайнике за диваном начал тихонько напевать ту самую мелодию, которую знают все хранители миров — мелодию смелости, рождающейся из страха, и великой силы, спрятанной в самом обыкновенном, трусливом сердце:

В трусливом сердце храбрость живёт,

Иди навстречу страху — и он пройдет!

В трусливом сердце отвага живёт,

Иди навстречу страху — и он уйдёт!

Глава 3 «Заколдованный лес Сказкограда.»

Ранним утром, когда изумрудное солнце только поднялось над кронами, а роса ещё серебрилась на паутине, Мурзяш и две его новые спутницы стояли у края «Лесного Предела». Дальше, за невидимой границей, начинался «Заколдованный лес».

— Держи, — Мия-травница протянула коту крошечный узелок из листа лопуха. — Здесь сушёная мята и корень валерианы. Будешь нервничать — пожуй. Помогает.

Мурзяш благодарно кивнул. Он уже нервничал. Его хвост подёргивался, а пятна на боках — те самые загадочные острова — едва заметно пульсировали. Луна, сидевшая на плече Мии, взмахнула палочкой, и на её кончике зажёгся крошечный, но очень яркий огонёк.

— Ну что ж, Хранитель, — тихо сказала она. — Идём. И помни: что бы ни случилось, ты больше не просто кот. Ты тот, кто прошёл сквозь «Завесу Миров». А это кое-что да значит.

Они ступили под своды древних деревьев, и мир вокруг переменялся.

Сначала исчезли звуки. Весёлый перезвон лесных колокольчиков стих, птицы умолкли одна за другой, будто кто-то огромный и невидимый приложил палец к губам: «Тсс...». Солнечные лучи, ещё минуту назад золотившие тропинку, теперь с трудом пробивались сквозь кроны — тяжёлые, мрачные, сомкнувшиеся над головами путников, словно крышка гигантского сундука. Воздух стал густым и холодным, пах сырой землёй и чем-то сладковато-тошно-творным — так пахнут цветы, посаженные на могиле.

— Это он, — прошептала Луна, и её огонёк тревожно замигал. — Мрачнодум. Он чувствует нас. Весь лес пропитан его чарами.

Мия нахмурилась и поправила свои каштановые волосы. Из которых тут же выпал засушенный цветок ромашки и, коснувшись земли, мгновенно почернел. Эльфийка отдернула руку.

— Здесь даже растения больны, — тихо сказала она. — Бедные... Они не виноваты. Их заставили служить тьме.

Мурзяш хотел что-то ответить, но не успел. Земля под лапами дрогнула. Раз, другой — и вот уже с тяжёлым, утробным ворчанием из-под мшистых кочек начали подниматься огромные фигуры. Сначала Мурзяшу показалось, что это гигантские грибы, какие рисовала дочка в своих книжках-раскрасках, — но нет. Это были не грибы.

— Заколдованные великаны! — ахнула Мия и одним движением запрыгнула на нижнюю ветку ближайшего дерева. — Смотрите, у них глаза!

И правда. У исполинов были глаза — пустые, чёрные, как два омута, в которых не отражалось ничего, кроме вечного сна. Они двигались медленно, но неумолимо, сметая кусты и молодые деревца, как сухую траву. Один из них замахнулся и швырнул в путников огромный булыжник. Мурзяш едва успел увернуться — камень просвистел над самой головой, взьерошив шерсть на загривке. Кот прижался к земле, сливаясь с тенью, и сердце его колотилось где-то в горле. Инстинкты кричали: беги, прячься, замри!

Но он вспомнил слова Старейшины. *«Истинная смелость — это способность дрожать от ужаса и всё равно делать шаг вперёд».*

Он не побежал. Он остался.

— Луна, сейчас! — крикнула Мия с дерева, и фея взмахнула волшебной палочкой.

С кончика сорвался ослепительный луч — не просто свет, а чистый, сконцентрированный солнечный зайчик, помноженный на древнюю магию. Он ударил в глаза ближайшему великану, и тот замер, заворчал растерянно, заслоняясь огромной ладонью.

— Бежим! — скомандовала Луна, и они бросились по тропинке, петляющей между замшелыми стволами.

Великаны ревели где-то позади, но двигались слишком медленно и вскоре отстали. Однако передышка оказалась недолгой. Тропинку перегородила живая изгородь из колючей дикой ежевики. Толстые, в палец толщиной, плети шевелились, переплетались, будто щупальца гигантского осьминога. Едва Мия попыталась обойти её стороной, как ветви метнулись вперёд и попытались обвить её ноги.

— Стоять! — Луна выбросила вперёд руку с заклинанием. С кончика палочки сорвались серебряные искры, и ветви на мгновение отдёрнулись, но лишь для того, чтобы через секунду ринуться вновь — ещё злее, ещё быстрее.

— Это не просто заклятие, — пропыхтела Мия, уворачиваясь от очередной колючей петли. — Это воля Мрачнодума. Она питается нашим страхом. Чем больше мы боимся, тем сильнее становятся чары!

Мурзяш почувствовал, как липкий холодок пробежал по хребту. Значит, колдун использует против них их собственный ужас. И что же делать? Он, самый трусливый кот во всех измерениях, был для такой магии идеальной мишенью.

И тут он заметил это.

Впереди, в просвете между стволами, что-то сверкало. Маленькое, но очень яркое — словно осколок упавшей звезды запутался в корнях старого дуба.

— Туда! — мяукнул Мурзяш, указывая лапой. — Смотрите, там что-то есть!

Они бросились к просвету, и ежевичные плети сомкнулись за их спинами с глухим, голодным шорохом. На поляне, залитой тусклым, словно профильтрованным сквозь грязное стекло, светом, лежало зеркальце. Крошечное, круглое, в простой серебряной оправе. Но когда Мия подняла его и перевернула, оказалось, что оно двухстороннее: одна сторона отражала всё как обычно, а вторая показывала странное, чуть размытое изображение, будто смотрела сквозь туман.

— Зеркало правды! — выдохнула Луна, и её глаза расширились. — Я думала, это легенда... Его создали эльфийские мастера ещё до прихода Мрачнодума. Одна сторона отражает истинную доброту сердца того, кто держит его в руках. А другая...

— ...рассеивает любые чары! — закончила Мия, и в её голосе впервые за всё путешествие прозвучала настоящая надежда. — Если в нём отразится доброта, ни одно злое заклятие не устоит.

Ветви ежевики снова ринулись вперёд. Луна, не раздумывая, выхватила зеркальце из рук Мии и выставила его перед собой той стороной, что рассеивала чары. И ветви замерли. Они дрожали, подёргивались, но не могли приблизиться — словно наткнулись на невидимую стену.

— Смотрите, получилось! — воскликнул Мурзяш.

— Но это значит... — Луна повернула зеркальце другой стороной и взглянула в него. На мгновение её лицо осветилось мягким, золотистым светом — это зеркало узнало доброту её сердца и отразило её обратно. — Да. С одной стороны оно показывает доброту того, кто держит его. А другой стороной — разрушает злые чары. Мы должны нести его перед собой. И помнить: пока в наших сердцах нет злобы и страха, зеркало будет нас защищать.

Они двинулись дальше. Вскоре тропинка привела их к реке — широкой, тёмной, с водой цвета олова. Едва Мия шагнула к берегу, как вода забурилась, вздыбилась высокими пенными валами, и из глубины донёсся низкий, угрожающий гул.

Луна спокойно подняла зеркало. Серебряный свет коснулся волн, и они опали, как проткнутый воздушный шарик. Река снова стала рекой — тихой, покладистой, и даже зажурчала весело, будто извиняясь за своё недавнее поведение.

Затем было болото. Топкое, чавкающее, окутанное радужной дымкой ядовитых испарений. Запах стоял такой, что даже Мурзяш, с его кошачьим носом, чихал и морщился. Но зеркало справилось и здесь: лучи света разогнали дымку, и тропинка через трясины проступила сама собой — ровная, сухая, надёжная.

Казалось, самое страшное позади. Но впереди уже выростала стена.

Огромная, чёрная, ошетилившаяся тысячами терновых шипов, она уходила в небо так высоко, что не было видно верхушек. Воздух вокруг неё дрожал от напряжения, а колючки тихонько звенели, будто предвкушали добычу.

— Это главное заклятие, — прошептала Мия. — Сердце леса. Мрачнодум вложил в него всю свою силу.

Луна подняла зеркальце. Серебряный луч ударил в терновник, и ветви дрогнули, слегка раздвинулись, но лишь на ладонь. За ними была всё та же непроглядная тьма.

— Не работает, — растерянно прошептала фея. — Слишком могущественное заклятие. Одного зеркала недостаточно...

Она не договорила. Мурзяш, сам не зная почему, вдруг подошёл ближе и заглянул в зеркальце через плечо Луны. На мгновение он увидел своё отражение — серый кот с загадочными островами на боках и испуганными, но полными решимости глазами. И вдруг пятна на его шерсти вспыхнули — не чёрным, а чистым, золотым светом, словно звёзды, пробивающиеся сквозь ночную мглу.

— Что это?.. — ахнула Мия.

— Пророчество, — прошептала Луна. — Вот что значит «острова на боках». Это не просто отметины. Это карта. Карта звёзд, которые всё ещё верят в свет.

Мурзяш не понял до конца, о чём она. Но одно он знал точно: сейчас, в эту минуту, ему было не страшно. Впервые за всю свою жизнь — ни капли страха. Он взял зеркальце из рук феи, поднял его повыше и повернул так, чтобы солнечный луч, пробившийся сквозь терновые заросли, упал прямо на зеркало. Зеркальце поймало свет, умножило его, превратило в ослепительный сноп лучей, и этот сноп ударил прямо в сердце терновой стены.

Раздался страшный вой, будто тысячи голосов застонали в один момент — и терновые стены начали рассыпаться. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Чёрные колючки осыпались пеплом, сухие стволы трескались и падали, открывая за собой проход.

Через несколько мгновений стена исчезла. Осталась только широкая, залитая солнечным светом тропа, ведущая вперёд — туда, где за лесом угадывались очертания башен Сказкограда.

— Ты гений, Мурзяш! — Луна подлетела к коту и звонко чмокнула его в нос. От неё пахло жасмином и волшебной пылью.

— Я всего лишь подумал про свет, — смущённо пробормотал кот. — Мне показалось, что зеркальцу просто не хватает солнца. Как цветку на мамином подоконнике. Мамой Мурзяш называл свою хозяйку, потому что именно она с самого начала окружила его любовью и заботилась о нём, как о родном. Она вклеила его изображение в Карту желаний ещё до встречи, она первой гладила его, кормила, шептала ласковые слова и видела в нём не просто кота, а члена семьи.

Мия рассмеялась — впервые за всё путешествие. Смех у неё был удивительный, переливчатый, как весенний ручей.

— Как цветку на подоконнике! — повторила она. — Мрачнодум триста лет плёл свои чары, а разрушил их домашний кот, который просто вспомнил про мамину хризантему. Знаешь что, Хранитель? Из тебя выйдет отличный герой!

Они зашагали по открывшейся тропе. Позади остался заколдованный лес, великаны, ежевичные пути, болото и терновая стена. Впереди, за последней грядой холмов, уже виднелись шпили Сказкограда, окутанные лёгкой, но зловещей серой дымкой — той самой, что навевал Мрачнодум.

Зеркальце бережно несли по очереди. Все самое интересное было впереди.

А в тот самый миг, когда последний шип терновой стены осыпался серым пеплом, далеко-далеко, в самом центре Сказкограда, дрогнули стены «Башни Сумерек». Высоко-высоко, в зале, где никогда не зажигали свечей и куда не проникал дневной свет, сидел в своём кресле,

похожем на окаменевшего паука, колдун Мрачнодум. Его длинные, бледные пальцы сжимали подлокотники, а глаза — два тлеющих угля в глубоких глазницах — медленно раскрылись.

— Интересно, — прошелестел он, и голос его был похож на шорох сухих листьев, гонимых ветром по пустому двору. — Зеркальце... Наивные существа.

Он махнул рукой над тёмной чашей, стоявшей на подлокотнике, и в её мутной воде проступило изображение: серый кот с загадочными островами на боках, фея с серебристыми крыльями и растрёпанная эльфийка, шагающие по лесной тропе. Мрачнодум долго смотрел на них, и тонкие губы его искривились в подобии улыбки.

— Значит, вот ты какой, Хранитель, — прошептал он, разглядывая кота. — Маленький, пушистый, дрожащий... Но как же ты посмел не испугаться? Ах, ну да. Зеркало правды. Доброта сердца. Очень трогательно.

Он откинулся в кресле и задумчиво побарабанил пальцами по чаше. Изображение пошло рябью и исчезло.

— Что ж, — произнёс он наконец, и в его голосе прорезались стальные ноты, — пусть идут. Лес — это только прихожая. Сказкоград встретит их иначе. Там, где нет надежды, никакое зеркало не поможет. Посмотрим, хватит ли твоей доброты, котёнок, когда ты увидишь, во что я превратил город этот сказочный город. Посмотрим, что останется от твоей храбрости, когда ты войдёшь в мои владения.

Он поднялся — высокая, сухая фигура в развевающемся плаще цвета воронова крыла — и шагнул к окну, выходящему на затянутый серой дымкой город.

— Добро пожаловать в Сказкоград, Мурзяш, — прошелестел колдун, и тьма за его спиной сгустилась, готовая обрушиться на непрошенных гостей. — Я приготовил для тебя особенный приём.

Глава 4 «Темная Тень Сказкограда: Встреча со Злым Колдуном»

Они вышли из леса на рассвете.

Солнце только-только показалось над горизонтом — огромное, медово-золотое, обещающее тёплый день. Его лучи заливали холм, на котором стояли трое путников, и убегали дальше, в долину, где раскинулся Сказкоград.

Именно здесь, на вершине холма, Мия остановилась.

— Вот он, — прошептала она. — Смотри.

Кот шагнул вперёд и замер.

Город был прекрасен. Даже сейчас, даже под этим странным, будто выцветшим небом. Тысячи башен вздымались к облакам — тонкие, как стебли серебряной травы, увитые ажурными мостиками и переходами. Улицы спускались с холма террасами, и на каждой террасе когда-то цвели сады. Огромные деревья с кронами всех оттенков зелёного и золотого росли прямо посреди площадей. Фонтаны — десятки, сотни фонтанов — стояли неподвижно, но даже в их застывшей воде отражалось что-то величественное.

И над всем этим, в самом центре города, возносилась Башня. Высокая, невысказанно высокая, пронзающая облака. Когда-то её шпиль сиял серебром, и каждый рассвет на нём играли эльфийские арфисты, пробуждая город музыкой. Башня «Рассветной Песни» — так её называли в старых хрониках.

Теперь она была чёрной.

— «Покрывало Уныния», — прошептала Луна. Её крылья, обычно сияющие радужными переливами, потускнели, будто сам воздух давил на них. — Я читала о нём в древних свитках, но никогда не видела своими глазами. Это... это хуже, чем я думала.

Мурзяш прищурился, вглядываясь в город. Сначала он не понял, что именно его тревожит. Башни на месте, улицы на месте, дома целы... А потом он осознал.

Город молчал.

Не было слышно ни смеха, ни криков торговцев, расхваливающих товар, ни песен, ни звона посуды из открытых окон. Даже ветер не шумел в кронах. Тишина стояла такая глубокая, что Мурзяш слышал биение собственного сердца.

— Пойдёмте, — сказала Мия, и её голос прозвучал слишком громко в этой неестественной тишине. — Нужно спуститься. Только... приготовьтесь. Там всё не так, как должно быть.

Они пошли вниз по мостовой, выложенной перламутровыми плитами. Плиты потускнели и кое-где пошли трещинами. На обочинах росли цветы — те самые, что всегда сажали эльфийские садовники, — но теперь они были серыми. Не увядшими, не мёртвыми — просто серыми, словно кто-то выкрутил цвет на ноль.

Первого жителя они встретили у городских ворот. Старый эльф сидел на скамейке и смотрел прямо перед собой. Мия узнала его и ахнула:

— Мастер Филлиус! Гончар. Он делал лучшие вазы во всём Сказкограде. Его глазурь переливалась, как северное сияние...

Теперь мастер сидел, опустив руки на колени, и смотрел в пустоту. Перед ним на земле лежал гончарный круг — сломанный, покрытый пылью. Рядом стояли готовые горшки, но все они были одинаково серыми, без единой цветной искры.

— Мастер Филлиус? — тихо позвала Мия, наклоняясь к старику. — Это я, Мия. Дочь Ориона из квартала Гончаров. Вы меня помните?

Эльф медленно поднял голову. Его глаза были открыты, но смотрели сквозь неё — тусклые, пустые, как два затянутых льдом окна.

— Помню, — произнёс он без интонации. — Ты была весёлой девочкой. Теперь невесёлая. Никто невесёлый. Да и зачем?

Он отвернулся и снова уставился в пустоту. Мия выпрямилась, и Мурзяш увидел, как на её глазах блеснули слёзы.

— Он не виноват, — прошептала Луна, кладя крошечную ладонь на плечо подруги. — Это «Покрывало». Оно высасывает не просто радость — оно высасывает смысл жизни. Он не понимает, зачем вообще что-то делать, зачем творить, зачем жить. Это не грусть, Мия. Это пустота.

Они двинулись дальше вглубь города, и с каждым шагом зрелище становилось всё более гнетущим. На рыночной площади, где когда-то кипела торговля и звучала музыка, теперь стояли призраки. Эльфы, феи, гномы, лесные духи — все они были здесь, но двигались, как будто лунатики. Никто не разговаривал. Никто не улыбался. Торговые ряды были забиты товарами — свежайшими фруктами, тканями, всех цветов радуги, волшебными амулетами, — но никто не покупал и не продавал. Зачем? Ведь завтра будет то же, что и вчера.

— Смотрите, — тихо сказала Мия, указывая в сторону фонтана.

Фонтан «Танцующие Звёзды» — гордость Сказкограда. Когда-то его струи взлетали на десять метров вверх и переплетались в воздухе, создавая фигуры мифических существ. Сейчас он стоял сухой, а на его дне, среди пожухлых листьев, сидела маленькая фея. Её крылья, когда-то прозрачные и сияющие, теперь были тусклыми, надломанными. Она не плакала — она просто сидела, обхватив колени руками, и смотрела на каменное дно.

Луна подлетела к ней.

— Сестра, — позвала она. — Что случилось? Когда ты последний раз летала?

Фея подняла голову, и в её глазах Луна увидела то, от чего собственные крылья сжались от боли.

— Я не помню, — ответила фея безжизненным голосом. — Кажется, в прошлом году. А может, десять лет назад. Какая разница? Летать — не летать... Всё равно небо серое. Всё равно ветер холодный...

— Это ужасно, — прошептал Мурзяш, и его шерсть встала дыбом. — Это хуже, чем просто зло. Зло можно победить, с ним можно сражаться. Но как победить «всё равно»?

Мия сжала кулаки.

— Вот во что превратил Мрачнодум наш удивительный город! Он правит пустотой. Тем, что все живые существа перестают радоваться жизни. Перестают мечтать. Перестают даже бояться по-настоящему — потому что настоящий страх, требует желания жить.

Они шли по мёртвому городу, и Мурзяш всё глубже погружался в отчаяние. Вот эльфийские дети сидят на качелях, но качели не качаются — дети просто висят на цепях, глядя в пространство. Вот кузница гномов — горн погас, наковальня заржавела, а хозяин сидит у дверей и бессмысленно перебирает пальцами уголёк. Вот библиотека с распахнутыми дверями — книги выпали из шкафов, страницы шелестят на ветру, но никто не поднимает их, никто не читает.

— Как же вы терпите? — вырвалось у Мурзяша. — Триста лет! Как можно жить так триста лет?

— А мы не живём, — ответила Мия, и в её голосе прозвенела такая горечь, что кот осёкся. — Мы существуем. День за днём. Год за годом. Те, кто мог уйти, ушли. Остальные... привыкли. Это самое страшное — привыкнуть к пустоте.

Луна вдруг остановилась и подняла палочку. Её огонёк, единственный источник живого света в этом царстве серости, слабо мигнул.

— Я чувствую его, — сказала она. — Мрачнодум. Он рядом. Он знает, что мы здесь.

И в этот момент тени вокруг них начали двигаться.

Не так, как им положено двигаться от облаков или колышущихся ветвей. Они ползли. Текли. Стягивались к одной точке, словно вода, закручивающаяся в воронку. И в центре этой воронки, сотканной из тьмы и давящей тишины, начало формироваться нечто.

Воздух стал холодным. Птицы, ещё секунду назад сидевшие на карнизах, исчезли. Даже серые цветы на клумбах поникли ещё сильнее.

Из воронки шагнула фигура.

Высокая, неестественно худая, закутанная в длинный плащ, который не развеялся на ветру, а струился, словно был соткан из живого дыма. Капюшон скрывал лицо, но из-под него выбивались две пряди — неестественно белые, как кости, обглоданные временем. А глаза... Глаза горели. Два тусклых, багровых угля в глубоких глазницах. Они не светили — они впитывали свет, и пространство вокруг них казалось темнее, чем всё остальное.

Мрачнодум собственной персоны.

Колдун остановился посреди площади — той самой рыночной площади, где когда-то танцевали и пели, — и медленно, с каким-то почти ритуальным достоинством, откинул капюшон. Его лицо оказалось неожиданным: не уродливым, не искажённым злобой, а... усталым. Словно он прожил тысячу лет и за это время ни разу не улыбнулся. Тонкие губы, острые скулы, глубокие складки у рта. И эта усталость пугала сильнее, чем любое уродство.

— Трое, — произнёс он, и голос его оказался тихим, почти еле слышным.

— Эльфийка, фея и... — он перевёл взгляд на Мурзяша и замолчал.

Пауза затянулась. Колдун смотрел на кота, и в его глазах, горящих багровым, мелькнуло что-то похожее на... узнавание?

— Интересно, — прошелестел он наконец. — Очень интересно. Серый странник с загадочными островами на боках. Я ждал тебя. Триста лет ждал.

Мурзяш почувствовал, как внутри всё холодеет. Он ждал? Его?

— Ты знал? — выдохнула Луна, и её крылья задрожали.

— Знал ли я? — Мрачнодум усмехнулся, и усмешка эта была похожа на трещину, пробежавшую по старому фарфору. — Девочка, это пророчество было написано ещё до того, как твои прапрабабушки научились летать. «Когда серый странник с загадочными островами на боках пройдёт сквозь „Завесу Миров“ пробудится „Спящая Звезда“, и пути миров соединятся вновь». Конечно, я знал. Я знал его наизусть. Я повторял его каждую ночь, глядя в потолок своей башни и гадая: когда? Когда же он наконец придёт?

Он сделал шаг вперёд, и каменные плиты под его ногами едва слышно зашипели, будто прикоснулись к раскалённому железу.

— И вот ты здесь, — продолжал он, разглядывая Мурзяша с каким-то странным, почти коллекционерским интересом. — Маленький. Пушистый. Дрожащий. Честно говоря, я ожидал большего. Думал, Хранитель окажется... внушительнее. Лев, единорог, дракон — что-то в этом роде. А тут кот. Обыкновенный домашний кот, который, судя по запаху, ещё вчера ел из пластиковой миски и гонял по полу фантик от конфеты.

— Я необыкновенный, — тихо сказал Мурзяш, и сам удивился тому, что вообще смог заговорить.

— Да? — Колдун склонил голову набок, и в его глазах мелькнул огонёк — незлобный, а почти... любопытный. — И что же в тебе необычного? Кроме, разумеется, этих пятен, которые кто-то поэтично назвал «островами»? Знаешь, что я вижу, когда смотрю на тебя? Я вижу страх. Густой, вкусный, наваристый страх. Ты боишься меня до дрожи. До поджатого хвоста. До шерсти дыбом. Я чувствую его — он как суп, который слишком долго варили на медленном огне. Ароматный. Питательный.

Он втянул воздух, и Мурзяшу показалось, что воздух вокруг стал холоднее.

— Я питаюсь страхом, котик. Это моя магия. Не тьма, не огонь, не проклятия древних — хотя я и это умею. Моя истинная сила — страх. Я нахожу его, выращиваю, собираю, как

урожай. И знаешь, что самое прекрасное? Мне даже не нужно никого убивать. Убить — значит, лишиться источника. Гораздо вкуснее держать жертву живой. Пусть боится. Пусть просыпается в холодном поту. Пусть вздрагивает от каждого шороха. Годы. Десятилетия. Века!

Он обвёл рукой площадь, город, весь Сказкоград.

— Все они боятся меня. И пока они боятся, я бессмертен. Пока в Сказкограде есть хоть одно существо, которое ложится спать с мыслью обо мне, — я буду жить. Вот почему ваше пророчество такое... забавное. Вы думали, Хранитель — это тот, кто победит меня силой? Нет. Хранитель — это тот, кто не побоится. Тот, чей страх я не смогу съесть. И когда я смотрю на тебя, котёнок... — он наклонился ближе, и его багровые глаза оказались в нескольких сантиметрах от глаз Мурзяша, — ...я вижу страх. Очень много страха. А значит, пророчество ошиблось. Ты — не Хранитель! Ты просто закуска!

В этот момент Луна рванулась вперёд. Её палочка вспыхнула ослепительным серебряным светом, и луч чистой магии ударил колдуна прямо в грудь. Мрачнодум пошатнулся, сделал шаг назад... и расхохотался.

— Фея, — произнёс он с почти отеческой интонацией. — Милая, храбрая фея. Твоя магия питается радостью и светом. А здесь, в моём городе, радости нет уже триста лет. Твоя палочка — просто красивая деревяшка.

Он щёлкнул пальцами, и с кончика палочки Луны сорвалась искра — жалкая, бледная, тут же погасшая в сумраке. Фея вскрикнула и отскочила, как ошпаренная, прижимая палочку к груди.

— Луна! — Мия метнулась к подруге, но колдун лениво взмахнул рукой, и из мостовой вырвались корни — чёрные, блестящие, покрытые колючками. Они обвились вокруг ног эльфийки, подняли её в воздух и швырнули о ствол ближайшего дерева. Мия вскрикнула от боли, но корни уже держали её, прижимая к коре, не давая пошевелиться.

— Не трогай их! — Мурзяш сам не понял, как его голос превратился в яростное шипение. Он выгнул спину, распушил хвост, и пятна на его боках — те самые загадочные острова — начали слабо светиться.

Мрачнодум замер.

На мгновение — на одно короткое, бесконечное мгновение — его лицо изменилось. Усталая маска дала трещину, и под ней мелькнуло что-то иное. Не страх. Скорее... узнавание. Словно он увидел то, чего не ожидал увидеть. То, чего ждал триста лет и уже перестал ждать.

— Острова, — прошептал он. — Они светятся. Я думал, это просто... рисунок. Шерсть. А они...

Он осёкся и отступил на шаг. Первый раз за весь разговор он отступил.

— Что ты такое? — спросил он, и его голос утратил прежнюю уверенность. — Ты не просто кот. Кто ты?

Мурзяш не ответил. Он и сам не знал ответа. Но он чувствовал, как что-то внутри него — что-то тёплое, древнее, до сих пор спавшее глубоко под слоями страха, — медленно просыпается. Пятна на боках пульсировали в такт сердцу, и с каждым ударом они светились всё ярче.

— Мия, — тихо позвал он, не оборачиваясь. — Ты можешь освободиться?

— Корни... слишком крепкие, — прохрипела эльфийка, пытаясь дотянуться до узелка с травами. — Мне нужно... ещё немного...

— У нас нет времени, — прошептала Луна, сжимая бесполезную палочку.

И тогда Мурзяш сделал то, чего никто не ожидал, даже он сам.

Он шагнул вперёд. Навстречу колдуну.

— Ты говоришь, что питаешься страхом, — произнёс он, и голос его почти не дрожал. Почти. — Ты говоришь, что видишь мой страх насквозь. И это правда. Я боюсь. Очень боюсь. Я всю свою жизнь боялся. Боялся громких звуков, незнакомых людей, пылесоса, закрытых дверей, высоты, падения, тебя. Но знаешь, что я понял за последние дни?

Он сделал ещё шаг. Пятна на его боках светились уже не слабо — они горели, как маленькие созвездия, пробивающиеся сквозь ночную мглу.

— Страх — это не слабость. Страх — это компас. Он показывает, где находится самое важное. Я боюсь потерять Мию. Я боюсь потерять Луну. Я боюсь не вернуться домой, к маме, к папе, к Полинке. Я боюсь за них. Понимаешь? Мой страх — не за себя. Мой страх — за тех, кого я люблю!

Мрачнодум молчал. Его багровые глаза расширились, а тонкие пальцы, униженные тёмными перстнями, сжались в кулаки.

— Ты вор, — продолжал Мурзяш, и теперь его голос звучал громко, отчётливо, как никогда раньше. — Ты крадёшь чужую радость, потому что своей у тебя нет. Ты заставляешь других бояться, потому что сам боишься больше всех. Чего ты боишься, Мрачнодум? Одиночества? Забвения? Того, что однажды кто-то — какой-то маленький, пушистый, дрожащий кот — просто не испугается тебя?

— Замолчи! — голос колдуна сорвался на крик, и площадь вокруг вздрогнула. Стёкла в окнах задребезжали, с деревьев посыпались листья, а корни, державшие Мию, задрожали и ослабли.

— Ты питаешься страхом, — Мурзяш сделал ещё шаг, и теперь между ним и колдуном было не больше метра. — Но что будет, если я перестану тебя бояться? Что будет, если я предложу тебе не страх, а что-то другое?

Кот сел прямо посреди мёртвой площади, напротив колдуна. Обернул хвост вокруг лап и посмотрел ему в глаза — спокойно, открыто, без вызова и без покорности. В этот момент он был удивительно похож на того домашнего кота, который когда-то точно так же сидел перед строгим папой и ждал, когда тот сменит гнев на милость.

— Ты говоришь, что питаешься страхом, — произнёс он, и голос его почти не дрожал. Почти. — Ты говоришь, что видишь мой страх насквозь. И это правда. Я боюсь. Очень боюсь. Он помолчал, подбирая слова — так, как делал это папа, когда хотел объяснить что-то важное дочке.

— Ты не питаешься страхом, Мрачнодум. Ты питаешься пустотой. Страх — это когда боишься за что-то. За кого-то. А когда бояться не за кого и не за что — это не страх. Это пустота. И ты питаешься ею триста лет.

Колдун замер. Его багровые глаза сузились, а пальцы, униженные перстнями, сжались в кулаки — но в этом жесте не было угрозы. Скорее, судорога.

— Что ты несёшь? — прошипел он. — Что ты можешь знать о пустоте, котёнок? Ты, у которого есть дом, семья, любящие хозяева?

— В том-то и дело, — тихо ответил Мурзяш. — У меня есть. А у тебя — нет. Он поднял лапу и коснулся своего бока — туда, где под шерстью пульсировали светящиеся пятна.

— Это не просто пятна. Я долго не понимал, что это. А теперь, кажется, начинаю понимать. Это карта. Карта звёзд, которые всё ещё верят в свет. И на этой карте есть место для всех. Даже для тебя.

Мрачнодум отступил на шаг. Впервые за триста лет — по-настоящему отступил. Его плащ, ещё минуту назад величественно струившийся, обвис, как старая занавеска.

— Ты... ты не можешь... — его голос сорвался. — Триста лет никто не говорил со мной так. Триста лет никто не смотрел на меня без страха. Даже мои слуги, даже мои тени — они дрожат, они трепещут, они...

— Они боятся тебя, — закончил Мурзяш. — Но не уважают. Не любят. Не ждут. Ты — самый могущественный колдун в этом мире и, возможно, самый одинокий. Потому что сила, построенная на чужом страхе, не греет. Она только забирает. И никогда не даёт взамен.

На площади воцарилась тишина. Такая глубокая, что слышно было, как где-то наверху, в разбитом фонтане, одинокая капля воды сорвалась с камня и упала в трещину.

А потом Мрачнодум засмеялся.

Это был не тот смех, что раньше — не торжествующий, не злобный. Это был смех уставшего, измученного человека, который впервые за долгое время услышал правду и не знает, что с ней делать.

— Ты даже не представляешь, кот, — произнёс он, отсмеявшись, — насколько ты прав. И насколько ты ошибаешься. Я не просто одинок. Я — само одиночество. Меня создали таким. Я не выбирал этот путь — этот путь выбрал меня. И назад дороги нет.

— Всегда есть, — тихо сказал Мурзяш. — Я упал с пятого этажа и прошёл сквозь «Завесу Миров». Если есть дорога оттуда сюда — значит, есть дорога и оттуда, где ты сейчас, туда, где ты мог бы быть.

Он поднялся, отряхнулся и посмотрел на колдуна — не снизу вверх, а прямо, как равный на равного.

— Я не буду с тобой сражаться. Не потому что боюсь — хотя я и боюсь. А потому что война — это то, чего ты ждёшь. Ты ждёшь, что я нападу, и тогда ты снова сможешь оправдать себя: «Они все одинаковы, все хотят меня уничтожить, все ненавидят меня». Я не дам тебе этого оправдания. Я просто пойду дальше. К «Спящей Звезде». А ты... ты можешь попытаться меня остановить. Или можешь пойти со мной.

— Пойти с тобой? — Мрачнодум вскинул брови, и на его лице отразилось такое искреннее изумление, что он на мгновение перестал быть колдуном и стал просто старым, растерянным существом. — Ты зовёшь меня — меня! — в поход за «Звездой?»

— Я никого не зову, — покачал головой Мурзяш. — Я просто говорю: дверь открыта. Решение за тобой. Как и всегда было.

Он повернулся к нему спиной — медленно, без страха, без вызова — и пошёл туда, где его ждали Мия и Луна. Пятна на его боках всё ещё светились, но теперь мягко, ровно, как угли в очаге.

Мрачнодум смотрел ему вслед. Его лицо менялось — злость, недоумение, что-то похожее на боль, что-то похожее на надежду. Он открыл рот, чтобы что-то сказать — проклятие? угрозу? просьбу? — но не произнёс ни слова.

Мрачнодум исчез. Он просто растаял в воздухе, тихо, почти незаметно, оставив после себя лишь слабый запах дыма и один-единственный предмет, упавший на каменные плиты.

Мия подбежала и подняла его.

Это был перстень. Старый, потускневший, с тёмным камнем, в котором когда-то, судя по всему, горел огонь. Теперь камень был холодным, но в самой его глубине, если присмотреться, ещё теплилась крошечная искорка.

— Он уронил его, — прошептала Луна. — Или... оставил.

— Он оставил его, — сказала Мия, разглядывая перстень. — Это знак. Не знаю какой. Но он что-то значит.

Мурзяш подошёл, понюхал перстень и чихнул.

— Пахнет гарью. И ещё... немного мятой. Странно.

— Мятой? — Луна удивлённо посмотрела на кота. — Мята — это трава памяти. Может быть, он что-то вспомнил?

— Или что-то забыл, — задумчиво произнесла Мия. — Или хочет забыть. Или хочет, чтобы помнили мы.

Она бережно завернула перстень в платок и спрятала в узелок с травами.

— Это ещё не конец, — сказала Луна, глядя на «Башню Сумерек», которая всё ещё возвышалась над городом. — Он вернётся. Он не может не вернуться. Но сегодня... сегодня что-то изменилось.

— Что именно? — спросил Мурзяш.

— Он впервые за триста лет встретил того, кто не стал с ним сражаться, — ответила фея. — И того, кто не стал перед ним пресмыкаться. Ты просто признал его право быть тем, кто он есть — и при этом не побоялся сказать правду. Это страшнее любой магии. Потому что от магии можно защититься заклинанием. А от правды защиты нет.

Мурзяш задумался. Он посмотрел на свои лапы — они всё ещё дрожали. Посмотрел на площадь — серые цветы на клумбах начали едва заметно наливать цвет. Посмотрел на небо — лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака, стали ярче.

— Значит, идём дальше, — сказал он. — До «Сердца Роши» ещё далеко. А нам ещё нужно разбудить «Звезду».

— И разобраться, что делать с перстнем, — добавила Мия, коснувшись узелка на поясе. — Что-то мне подсказывает, что это не просто украшение.

— И понять, что задумал Мрачнодум, — тихо произнесла Луна. — Он не сдался. Он отступил. И когда он вернётся — он вернётся другим. Возможно, ещё опаснее. А возможно...

— Возможно, он вернётся тем, кем был до того, как стал Мрачнодумом, — закончил Мурзяш, и его слова повисли в воздухе.

Друзья переглянулись.

Никто не знал, кем был колдун до того, как взял себе это страшное имя. Никто не знал, откуда он пришёл и почему выбрал путь тьмы. Но теперь у них был перстень — молчаливый свидетель какой-то древней, забытой истории. И где-то глубоко внутри Мурзяш чувствовал: эта история ещё не закончена. Более того — она только начинается.

И они зашагали дальше — через оживающий город, где впервые за триста лет маленькая фея с надломанными крыльями попыталась взлететь. У неё не получилось. Но она улыбнулась — просто тому, что снова попробовала.

«Башня Сумерек» всё ещё чернела в центре города. Но у самого её основания, там, куда упали первые утренние лучи, камень едва заметно посветлел. Будто сама башня начинала вспоминать, что когда-то была «Башней Рассветной Песни».

А где-то высоко-высоко, в зале без окон и дверей, сидел старый колдун и смотрел на свою правую руку — туда, где ещё час назад был перстень, который он носил триста лет. На пальце остался только бледный след. И впервые за три столетия Мрачнодум не злился, не проклинал, не строил планов мести.

Он думал.

О маленьком сером коте, который не испугался. О словах, которые жгли сильнее огня. О том, что дверь открыта. И о том, что он, возможно, когда-то знал другую дорогу — но забыл её.

Где-то в глубине его башни, в пыльном углу, лежала старая, забытая арфа. Та самая, на которой когда-то играли эльфийские музыканты, встречая рассвет. Она молчала триста лет. Но сегодня одна её струна — самая тонкая, почти невидимая — едва слышно дрогнула сама по себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.